

Лу Шичжун стоял с бледным лицом, чувствуя, что ситуация вышла из-под контроля. Едва он попытался заговорить, Лян-ши крепко сжала его руку, словно напоминая: нельзя признаваться. Если он признается, то хоть её господин и не участвовал в этом деле, она сама точно погибнет.

Лу Шичжун прижал лоб к полу:

— Канцлер Цзинь, в тот день я действительно согласился, но я не знаю, как всё обернулось.

Канцлер Цзинь холодно ответил:

— О? Значит, ты признаёшь, что я не принуждал вашу семью согласиться на этот брак?

Спина Лу Шичжуна покрылась холодным потом:

— Нет, конечно, я сам согласился, меня никто не принуждал.

Канцлер Цзинь продолжил:

— Но я слышал, что твоя жена утверждает, будто я злоупотребил своим положением, чтобы заставить вашу семью отдать сына в жёны?

Лу Шичжун слабо опустился на колени:

— Это... её пустые слова.

Лян-ши зарыдала:

— Господин, я была напугана, голова шла кругом, я всё перепутала.

Канцлер Цзинь холодно произнёс:

— Перепутала или намеренно хотела оклеветать меня? Лян-ши, покушение на жизнь чиновника, клевета на чиновника... Не знал, что ты такая смелая.

Господин Синь также покрылся холодным потом. Слова Лян-ши едва не заставили его поверить:

— Дерзкая Лян-ши, как ты посмела обмануть меня! Это возмутительно! Приведите её, дайте ей десять ударов палкой в назидание другим!

Зрители за пределами зала суда, которых стражники не пускали внутрь, услышав это, не смогли сдержать одобрительных возгласов. Лян-ши действительно была слишком коварна, они тоже чуть не поверили ей!

Лян-ши умоляла о пощаде, но её заткнули рот и поволокли прочь. Вскоре раздались звуки ударов палкой и её душераздирающие крики.

Лу Шичжун был полностью пропитан холодным потом.

Лу Монин холодно наблюдал за этой сценой. Когда он вернулся в столицу, первым делом он наказал тех, кто причинил ему зло. Сейчас, глядя на это снова, он всё ещё чувствовал удовлетворение.

Но теперь он не был так взволнован, как раньше. Годы, проведённые на высоком посту, сделали его спокойным и уравновешенным.

Канцлер Цзинь смог вовремя найти доказательства благодаря ему. Матушка Сюй, заботясь о своей семье, не смогла бы молчать, если бы её прижали.

Способ давления был прост. Лу Дачжун, хоть и молод, был заядлым игроком, и у него было много компромата. Канцлер Цзинь, будучи влиятельным в столице, легко получил его долги.

Всё шло по плану. Его чёрные глаза пристально смотрели на мужчину, стоящего на коленях — жалкого, ничтожного. Возродившись вновь, он видел в этом человеке лишь имя, не более чем незнакомца.

Дальше всё стало проще. После того как Лян-ши была наказана, все были напуганы. Матушка Сюй быстро сообразила, и с показаниями нескольких слуг и служанок из дома Лу, вина Лян-ши была доказана.

Когда Лян-ши после десяти ударов палкой была возвращена, она уже не могла ничего изменить.

Чтобы не навредить Лу Шичжуну, Лян-ши вынуждена была признать свою вину. Она верила, что её господин обязательно найдёт способ спасти её.

Но Лян-ши забыла, что в прошлой жизни, даже без участия канцлера Цзиня, она не смогла избежать наказания. Тем более теперь, когда она попыталась втянуть канцлера Цзиня в это дело. С его суровыми методами, которые он отточил за долгие годы службы, её смерть была неизбежна.

Лян-ши временно была заключена под стражу. Поскольку дело касалось двух чиновников, её судьба должна была быть решена после доклада. Лу Шичжун, подстрекаемый Лян-ши и не сообщивший о её преступлении, получил пятьдесят ударов палкой и был отправлен домой.

Лу Монин, как пострадавший, не произнёс ни слова в суде, оставаясь незаметным, поэтому никто не обратил на него внимания. В конце канцлер Цзинь, которому нужно было вернуться домой для решения дел, а затем отправиться во дворец, чтобы объяснить слухи о том, что его дом принудил добропорядочного мужчину к браку, что могло повредить его репутации, подошёл к Лу Монину.

Канцлер Цзинь не стал много говорить, лишь похлопал его по плечу:

— Молодец, я верю в тебя. Я обязательно разберусь с этим делом.

Лу Монин поклонился:

— Канцлер, вы слишком добры.

Когда Лу Монин вернулся в дом Лу, все слуги смотрели на него, словно на призрака, робко кланяясь, не проявляя прежнего пренебрежения:

— Стар-старший господин.

Лу Монин спокойно спросил:

— Где господин?

Слуга ответил:

— Господина отнесли в главный двор, врач сейчас осматривает его...

Лу Монин кивнул и направился в главный двор.

Когда он ушёл, слуги подняли головы и украдкой посмотрели на него. Почему-то им казалось, что господин изменился. Его спокойный взгляд вызывал у них странное чувство давления.

Когда Лу Монин вошёл в главный двор, он услышал крик:

— Вон! Вон отсюда! Все вон!

Лу Монин шёл по двору, слуги низко опустили головы, прижавшись к стенам, не смея произнести ни слова.

Лу Монин смотрел на знакомый и в то же время незнакомый двор, испытывая ностальгию. Спустя более двадцати лет, снова видя этот дом Лу, который он позже полностью закрыл, смутные воспоминания детства всплыли в его памяти, но быстро рассеялись, не оставив следа.

Он вошёл в главную комнату, и никто не посмел его остановить. Дело о том, что старший сын обвинил своего отца и мачеху, уже разнеслось повсюду. Теперь, когда госпожа заключена под стражу, дом Лу, вероятно, ждут большие перемены.

Лу Шичжун получил пятьдесят ударов палкой, его кожа была разорвана. Если бы он не был в расцвете сил, это могло бы стоить ему половины жизни. Когда врач только закончил наносить мазь, в комнате вдруг наступила странная тишина. Он поднял глаза и увидел юношу, стоящего у ширмы.

Лу Шичжун, увидев Лу Монина, сначала остолбенел, вспомнив, что всё это произошло из-за него, и хотел было разозлиться.

Но, встретившись с мёртвыми, чёрными, как смоль, глазами Лу Монина, которые, хоть и были красивыми, вызывали у него чувство ужаса, Лу Шичжун замер на месте. Спустя некоторое время он закричал:

— Негодник!

Лу Монин медленно улыбнулся. Юноша и без того был красив, а эта улыбка сделала его похожим на цветущую камелию, изящную и величественную, но при этом не женственную. Она словно вынутый из ножен меч, его взгляд был пронзительным и властным.

Лу Шичжун был ошеломлён этой улыбкой, и ему на мгновение показалось, что он видит канцлера Цзиня, того самого человека, который долгие годы занимал высокий пост и излучал власть. Но эта мысль быстро улетучилась, и он успокоился:

— Негодник, как ты посмел прийти? Ты, скотина, осмелился обвинить собственного отца? Я тебя...

— Господин Лу, прежде чем говорить, подумай о моём статусе и твоём. Иначе я не против снова посетить Министерство наказаний.

Голос Лу Монина был спокойным и размеренным, но именно это заставило Лу Шичжуна вспомнить о пятидесяти ударах палкой. Его лицо менялось в цвете, и он боялся повторения.

Теперь Лян-ши всё ещё находилась под стражей в Министерстве наказаний, и вряд ли она выйдет. Если его снова накажут, он точно не выживет.

— Что ты хочешь? — Глубоко вздохнув, Лу Шичжун спросил с недобрый тоном, но больше не осмелился ругаться.

— Приказ о назначении. — Лу Монин спокойно произнёс, объясняя свою цель.

Лу Шичжун на мгновение задумался, вспомнив о документе, который Лян-ши спрятала. Он хотел что-то сказать, но не посмел, лишь махнул рукой:

— Управляющий, принеси ему это.

Управляющий уже был сломлен. Старший господин, который обычно не проявлял себя, в этот раз буквально лишил госпожу жизни.

Для них всё это выглядело как спланированная операция, и они не смели перечить.

Управляющий быстро побежал во внутренние покои, почтительно поднёс документ и с подобострастной улыбкой сказал:

— Стар-старший господин, ваш документ.

Лу Монин без эмоций взял его, не удостоив Лу Шичжуна взглядом, и ушёл.

— Негодник! — Лу Шичжун в ярости ударил по кровати, но больше не посмел сказать ни слова.

<http://bllate.org/book/16611/1518811>